

Пиаф Эдит

6/7 - 1990г

Эдит Пиаф открывает Ива Монтана

А

УИ Барье вошел в жизнь Эдит удачней, чем кто-либо другой. И он остался с ней до конца. Это был поразительный человек. Барье замечательно повел дела Эдит. В ее карьере он сыграл очень важную роль. Он был талантливым импресарио, Эдит это тотчас же почувствовала. В тот трудный период их знакомства он сумел получить для нее контракт на две недели в «Мулен-Руж», который был тогда одним из лучших мюзик-холлов страны.

Лулу сказал как-то Эдит:

— Больше вам не будет навязывать актеров в качестве «американской звезды». Теперь право выбора за вами. Для концертов в «Мулен-Руж» вам предлагают Ива Монтана.

— Нет. Я его не знаю... Я хочу Роже Данна, оригинальный жанр. Это товарищ, его я знаю.

Но Роже не было в Париже. И никого нельзя было пригласить из провинции, все стало слишком сложно. Дело происходило за месяц до Освобождения.

— Ну хорошо, — сказала Эдит. — Устройте прослушивание вашему Иву Монтану. Я приду.

Сидя в глубине зала «Мулен-Руж», Эдит ждала. На сцену вышел крупный темноволосый парень, по типу итальянец, красивый, но безвкусно одетый: куртка в немыслимо яркую клетку, маленькая шляпа наподобие шляпы Шарля Трене. В довершение всего он стал петь старые американские и псевдотехасские песенки, подражая Джоржу Ульмеру и Шарлю Трене. До чего же это было плохо! Я следила за Эдит, я была уверена, что она не досидит до конца.

Спев три песни, он вышел на авансцену и спросил вызывающим тоном:

— Ну что, продолжать или хватит!

— Хватит, — крикнула Эдит, — подожди меня.

Я была уверена, что он сейчас взорвется. Эдит знала, что он злится на нее за это прослушивание и что он, не стесняясь, говорит о ней так: «реалистическая песня в уличном исполнении», «скука смертная» и т. п.

Забавно было смотреть на них издали: он стоял на краю сцены, она — внизу, такая маленькая, что ее нос не доставал до его колен. Он счел унижением для себя нагнуться к ней. Но Эдит не собиралась вести с ним длинной беседы:

— Если ты хочешь петь в этой программе, приходи через час ко мне в отель «Альбина».

Ив задохнулся, побелел от бешенства. Однако через час в комнате отеля «Альбина» сдался на милость победителя. Эдит не стала надевать белых перчаток.

— Для краткости начнем с твоих достоинств. Ты красив, хорошо смотришься на сцене, руки выразительные, голос хороший, приятный, низкий. Женщины по тебе будут ходить с ума. Ты хочешь выглядеть и выглядишь умным.

В названии этой книги одно лишь слово, точнее имя — ПИАФ. И этим многое сказано. Повествование о сложной, порой мучительной, но вошедшей в историю мирового искусства жизни «парижского соловья» написано ее сестрой, которая практически все годы провела рядом с Эдит Пиаф.

«В память о тебе, моя Эдит, написала я эту книгу, здесь все честно, откровенно, здесь и смех твой, и твои слезы.

Последние твои слова все еще звучат в моих ушах: «Не дури, Момона».

С тех пор я жду, что ты снова поведешь меня за руку, но, Боже, как это ожидание затянулось!»

Книга в переводе с французского языка С. Володиной и А. Малининой выходит в этом году в издательстве «Искусство».

Но все остальное — нуль. Костюм дурацкий, годится для цирка. Жуткий марсельский акцент, жестикулируешь, как марионетка. Репертуар не подходит совершенно. Твои песни вульгарны, твой американский жанр — насмешка.

— Он нравится! Я с ним добился успеха.

— В Марселе! Там уже четыре года ничего не видели. А в Париже публика рада, когда пародируют оккупантов. Здесь аплодируют не тебе, а американцам. Но когда американцы будут здесь, рядом с ними ты будешь выглядеть, как придурок. Ты уже вышел из моды.

Пытаясь подавить свою злость, Ив даже скрипел зубами. Эдит веселилась про себя.

— Спасибо, мадам Пиаф. Я понял. Вы меня отвергаете. Я вам не подхожу.

— Опять не угадал. Подходишь, и я не хочу помешать тебе заработать на жизнь. Две недели в программе с тобой пройдут быстро.

Ив был уже не в состоянии сдерживаться. Он хотел убраться из комнаты, не открыв больше рта, но Эдит остановила его:

— Подожди, я не кончила. Я не сказала самого главного. Я уверена, что ты певец, настоящий певец. Я готова работать с тобой. Если ты будешь меня слушать, доверись мне, ты станешь самым великим.

Он ответил ей: «Благодарю!» — и ушел, хлопнув дверью.

Я была ошеломлена. Все продолжалось менее четверти часа. За это время передо мной предстала женщина, о которой я ничего не знала. Я не подозревала о существовании такой Эдит. Как она разобрала его по косточкам! С какой уверенностью она выделила лучшее, что в нем было, отбросив смешное, фальшивое и вульгарное. Я в себя не могла прийти. Эдит всегда меня удивляла, но до такой степени еще ни разу.

Сидя на кровати, она продолжала смотреть на дверь. И я чувствовала, что в голове ее проносятся мысли об очень многом.

— Он мне не подходит! До чего мужчины глупы... Дурак, увидишь, о такой красоте можно только мечтать... Момона, он произведет революцию в песне. Публика такого давно ждет. Это он. Вот он, послевоенный эстрадный певец!

— Ты думаешь, он согласится, чтобы ты учила его?

— Да.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день на репетиции он снял куртку, пел в рубашке.

— Видишь, Момона, я была права. После него репетировала Эдит. Проходя мимо, она поймала его на слове:

— Ты меня уже слышал?

— Нет, мадам Пиаф.

— Так откуда же ты знаешь, что я «торговка скукой»? Можешь называть меня Эдит и останься послушать. Тогда сможешь судить.

Он оставался в зале до конца, потом исчез, не сказав ни слова. Однако Эдит его ждала. И была прав. Он пришел в «Альсина».

— Так вот, Эдит, если ваше предложение еще в силе, я согласен.

— Тебе неприятно, что будешь подчиняться женщине?

— Нет. Я слышал, как вы поете. И понял. Вы знаете все, чего не знаю я.

— Ты подумал о своем костюме?

— Да, но...

— У тебя нет денег? Ну и что! Тебе не нужно петь в смокинге. Сейчас ничего нельзя достать. Значит, будешь выступать в рубашке и брюках. Только рубашка не должна быть белой, иначе публика воспримет, как будто ты, как вышел из спальни, так и влез на сцену.

Публику нужно уважать, а она не любит небрежности. И кроме того, это тебя будет перерезать на две части. Рубашка должна быть одного цвета с брюками. Ты высокий, худой, у тебя узкие бедра, это надо подчеркивать.

Она не переставала меня удивлять. Откуда взялась такая уверенность! Как она разбиралась в том, о чем говорила!

— Марсельский акцент вызывает смех. Оставь это тем, у кого нет ничего другого. Я научу тебя способу, которым пользуются актеры. Ты берешь в рот карандаш, закусываешь его зубами и так будешь проговаривать и петь свои песни. Я составлю тебе список слов, где встречается «о», которое ты произносишь по-марсельски. Будешь мне его читать несколько раз в день.

— С карандашом? На кого я буду похож?

— Когда работаешь, никогда не бываешь смешным. Давай!

Нелегко говорить с карандашом в зубах! Ив чертыхался, но терпел. Эдит смеялась. Было действительно забавно видеть его красивое лицо, перечеркнутое этим дурацким карандашом.

Когда Ив бывал у нас, в комнате совсем не оставалось свободного места. Его метр восемьдесят семь роста и восемьдесят два килограмма веса занимали все пространство.

Он стоял перед ней одновременно покорный и своенравный, наморщив лоб, и был похож на щенка, который не понимает, чего от него хотят. У меня он вызывал нежность. Он боялся выглядеть глупым, но все-таки им выглядел, и мне он таким нравился.

Мы тотчас же подружились. Он не был похож на тех, кого мы знали раньше. Он был, как глоток чистого воздуха. Как молодой волк на пороге жизни, он был полон сил, у него были длинные и крепкие мышцы. Его улыбка, честная и открытая, сразу покоряла вас. Он все время смеялся, и вам казалось, что все вокруг залито солнцем.

После урока мы вышли из отеля. Мы шли рядом по улице Жюно. Он наподдал камешек ботинком (не менее сорок шестого размера!), остановился, засунув руки в карманы, и сказал мне очень серьезно:

— Мне кажется, я могу ей полностью доверять. Я буду работать до седьмого пота.

СЛОВА не разошлись с делом. Через две недели даже со своими неудачными песнями Ив очень многого добился. Надо, правда, сказать, что уроки он теперь брал на дому. Он переехал к нам. Эдит была в него очень влюблена. Лишний раз я убедилась в том, что у нее хороший вкус и что она умеет выбирать себе мужчин. Ив и сегодня все еще красив, но тогда, в двадцать два года, вместе с ним в комнату, казалось, входило солнце.

Любовь не мешала Эдит заставлять его работать в поте лица. Для нее не было мелочей. Она решила, что он должен быстро добиться успеха, она не могла ошибаться! Поскольку в работе она была неутомима, занятия продолжались часами. Бывали дни, когда она могла вас довести до белого каления. В таких случаях мы с Ивом переглядывались, нам хотелось сбежать. Но об этом не могло быть и речи, она нас крепко держала в своих маленьких ручках.

— Момона, не отвлекай его или уйди. Когда он кончит, я отпущу вас прогуляться на часок.

Это было совершенно необходимо: комната была слишком мала, а Эдит не любила, чтобы открывали окна. После получаса занятий Ив своими атлетическими легкими выкачивал весь воздух. Дышать становилось нечем.

О том, чтобы отпустить его на прогулку одного, не было и речи. Он не имел на это права. Его должна была сопровождать я. Не то чтобы Эдит ему

не доверяла, она принимала меры предосторожности. Она предпочитала, чтобы я не оставляла его.

— В нем жизнь бьет ключом, Момона. Его нельзя выпускать одного на природу.

Я начинала думать, что ему надоест, если я буду всюду таскаться за ним. Несмотря на улыбку, которая не сходила с его лица, он был не из тех, кто позволит надеть на себя ошейник и держаться на привязи.

Работали они оба, как одержимые. Один заводил другого. Ив акалявал, не жалея сил, а терпения у него было на двоих.

Еще не успев ничему научиться, он уже насадал на Эдит:

— Согласен, Эдит, мне нужен новый репертуар. Но где ты найдешь песни для меня? К кому ты думаешь обратиться?

— Не беспокойся, любовь моя. Все в порядке. Я уже обратился.

— Как? Уже? К кому? Я имею право знать.

У него тоже был нелегкий характер. Каждый из них был личностью, и один украсил другого. Да, нам предстояли перипетии. Когда Эдит надоедали эти расспросы, она его обрывала:

— Ты мне веришь или нет?

Эту фразу мне предстояло слышать бесконечное множество раз.

Они готовы были схватиться по любому поводу. Эдит любила, чтобы вокруг все кипело, так она понимала жизнь. В лице Ива она обрела прекрасного партнера. Он всегда был готов к бою.

Я знала, что она ему солгала: она еще и не начинала искать для него песен.

— Понимаешь, Момона, я еще ничего не знаю о его жизни. Человек может хорошо петь только о том, что его берет за живое, о том, что приносит ему радость или боль. Старше двенадцати лет немногие мечтают скакать на кляче по горам и долам американского запада! Я примерно уже представляю себе его жанр, но должна быть в нем абсолютно уверена. Момона, ты будешь его слушать вместе со мной.

Таким образом, в течение нескольких вечеров мы слушали Ива. Великолепный театр! Он прекрасно рассказывал. На сцене его жесты были неудачны, но в жизни — точны, совершенны. Я знала, что Эдит, как и я, думала: «Как прекрасно владеет своим телом, собака!».

С ИВОМ Эдит вступила в область неизведанного. Она открыла в себе способности, о которых раньше не подозревала: талант создавать «звезд». Это пьянило сильнее вина.

По прошествии нескольких дней она решила, что теперь ей о нем известно достаточно.

— Ты должен петь обо всем том, о чем ты мне рассказывал. Покажи руки.

Он протянул ей ладони, как будто хотел, чтобы она предсказала ему судьбу.

— Твои руки — это руки рабочего, пробиравшего карточку в проходной заводе, это руки докера, на них мозоли,

и ты этого не забывай никогда. С такими руками выходят из народа, и нужно, чтобы народ об этом знал. Теперь остается найти, кто бы стал писать для тебя песни, и это самое трудное. Тебе нужны песни, из содержания которых ты сможешь вылепить свой образ и вдохнуть в него жизнь. Но чтобы сжить с ним, ты должен хорошо себя чувствовать в его шкуре. Я хочу, чтобы ты пел о любви, ты для этого создан.

— Нет, — вскричал Ив, — я не могу. Я мужчина, я не женщина, чтобы блять о любви! Я не господин Пиаф!

Я подумала, что Эдит кинется на него с кулаками, но она стала кричать на него, да так, что голос разносился по всему отелю. Ив впервые видел ее в приступе гнева, он стоял перед ней как большой растерянный ребенок.

— Ну и дыхание у тебя!

— Как же ты не понимаешь, что о любви нельзя не петь? Публика требует именно этого. Но ты должен занять свое особое место среди всех этих Пьеро, которые вздыхают о любви при лунном свете. Пусть на сцену выйдет настоящий мужчина, пусть он кричит о любви; публика ждет его, он ей нужен! И потом хватит с меня! Верить ты мне или нет?

Петь он умел. С этим все было в порядке. У него был очень красивый, хорошо поставленный голос. Но песни нуждались в мизансцене, а главное, еще нужно было работать над жестом. Во время своих предыдущих выступлений он приобрел дурные навыки. Эдит билась с ним часами. Пот тек по его лицу ручьями, но он не просил передышки. Он был единственным, кто мог работать так же истощенно, как Эдит. Это продолжалось по пятнадцати часов кряду. У всех окружающих давно уже было темно в глазах. Пианист играл, как заводная кукла. Но эти двое были одержимы.

Итак, репертуар у Ива был! Было сделано самое главное, но не самое трудное.

— Теперь, Ив, нужно обкатать твою программу на публике, не волнуйся. Ты готов! Только не забывай, что в зрительном зале сидят и мужчины, и женщины. Нужно понравиться мужчинам, чтобы они увидели в тебе того, кем сами хотели бы быть. Что касается женщин, то с твоей наружностью это проще простого.

БЫЛ еще только сентябрь 1944 года. За два месяца Эдит создала нового Монтана. Теперь, слушая Ива, я видела, что он стал совсем другим. Теперь он, как и Пиаф, переворачивал душу. Его жесты потрясали. В коричневой рубашке и брюках, он переполнялся во всех мужчинах, о которых пел. Вы в это верили. Вы столбенели от прямого попадания; вы получали удар и говорили: «Еще!» Да, мальчик из «Мулен-Руж» остался далеко позади.

Нужно знать эту профессию, чтобы оценить, какую они проделали работу. Я одинаково восхищалась обоими.